

Карелин Владислав Михайлович

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»

г. Москва

DOI 10.31483/r-33310

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГЕОСОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация: в статье проанализированы основные тренды развития университета во взаимосвязанных аспектах социальной и географической проблематик. Тенденции глобализации/транснационализации в настоящее время являются ведущими, однако велика роль и процессов локально-национального уровня. Представление таких процессов как противоположных представляется недостаточно продуктивным в связи с тем, что их взаимодействие может привести к полезным для практики результатам.

Ключевые слова: глобальный университет, локальные эпистемологии, развитие образования, национальный университет, образовательная политика, Болонский процесс, глобализация.

Национально-государственная идеология университета

Как культурный феномен, университет изначально никак не был определен географически. Первые университеты, действовавшие как институционально оформившиеся организации, появились в Средние века на территориях арабских и европейских стран. Их вряд ли можно уверенно вписать в какие-либо геополитические проекты: возникали они прежде всего как своего рода центры учености и представляли собой феномены весьма локального характера – как в пространственном, так и в культурном смысле. Они существенно отличались от поздних европейских университетов, появившихся в Новое время и ставших не только центрами науки и культуры, но и пунктами научной коммуникации. Помимо этого, основные функции университетов приобрели более рационализированный

характер, и их деятельность получила ценностные ориентиры, объяснявшие цели, сущность, миссию университета. Нововременной университет в целом оказывается феноменом преимущественно европейским как с точки зрения локализации, так и по характеру его культурно-эпистемологических ориентиров.

Среди нескольких моделей высшего образования наиболее устойчивой и доминантной оказалась модель Берлинского университета, основанного в начале XIX в. Этот проект, придя на смену университету как «проекта разума», заявил о себе как о «проекте культуры». Однако речь не столько о культуре как феномене духовной жизни человечества, сколько о культуре определенной страны: это идея культуры, неотделимой от национальной идентичности и, в конечном счете, от национального государства [7, с. 466]. Обозначенный В. Гумбольдтом идеал служения национальному государству стал одним из смыслообразующих императивов университета нового типа.

Эволюция университета в транснациональном аспекте

Дальнейшая эволюция образования, как мы сейчас хорошо представляем, однако не ограничивается ценностью служения национальной культуре. Говоря о современных закономерностях развития университета, Б. Ридингс отметил, что на них огромное влияние оказывают тенденции взаимодействия представителей культур, различных демографических групп, профессиональных сообществ, политических элит, представителей науки, участников экономических отношений и т. д. – словом, сложного комплекса процессов, который часто определяется как феномен глобализации. В таком контексте университет оказывается лишь одним из множества участников, подчиненным общим тенденциям; в этих условиях принципиальное сохранение абсолютного суверенитета часто оказывается малооправданным, и социокультурные взаимодействия пополняются межкультурными связями. В силу этого современное высшее образование невозможно представить как принципиально ориентированное на решение задач культуры и общества исключительно локального уровня.

Включение университетов в процессы мирового масштаба приводит к разнообразным эффектам (как положительным, так и отрицательным), в частности

к тому, что процессы в системе образования приобретают вид экономических отношений, вследствие чего концептуальной основой миссии университета могут оказаться не трансцендентные понятия (наподобие прежних «разума» или «культуры»), а практические: измеримость, эффективность и т.п., а в целом – «высокое качество» или «превосходство» [3]. Университет, выходящий за национально-государственные границы (особенно если говорить о крупных университетах, играющих большую роль в научно-образовательной деятельности на мировом уровне), может быть уподоблен транснациональной корпорации, приобретая соответствующие черты мощного конкурента, культурного и образовательного трендсеттера и т. д. В результате университет теряет прежние идеологические (в концептуальном смысле) ориентиры, начиная ориентироваться на прагматику бизнеса и бюрократии [1, с. 252–253].

Негативным итогом этого становится снижение ценности знания, ради которого, казалось бы, только и должен функционировать университет. Положительный эффект – планомерное выстраивание нового организационного и коммуникационного порядка, направленного не на ценности, а на прагматику знания и исследования.

Болонский проект: редукция транснационального тренда

В свете столь неоднозначного положения дел Болонский проект, который должен был помочь университетам национального уровня взаимодействовать друг с другом, не смог выполнить функцию катализатора глобальных отношений. Вместо этого оно стимулировало формальную активность бюрократии, которая придала университетскому образованию формат, который должен был помочь создать глобальное пространство облегчающий социальную коммуникацию участников в сферах образования и науки.

Однако данная цель не была достигнута, т.к., по мнению ряда исследователей, Болонская система способствовала, скорее, не развитию образования и академической мобильности, а развитию транснационального рынка образовательных услуг, и, по всей видимости, не имела в своей основе достаточно реалистичной стратегии [4, с. 95–102]. Феномен Болонской системы можно считать

реализацией транснационального тренда развития образования, но в состоянии, существенно редуцированном до организационно-предпринимательских задач и операционально почти полностью исключаящем знаниевое содержание.

Академическая колонизация регионов и локальные эпистемологии

Отдельные регионы в глобализующемся университетском мире не являются равноправными участниками. Дело не только в том, что все они являются обладателями разных «весовых категорий», но и в том, что на возможности таких участников как конкурентов (равно как на формирование такого взаимодействия именно в режиме конкурирования) существенно влияют социально-эпистемологические факторы. Во внимание нужно принять ставший популярным и глубоко разработанный с середины XX века тезис о социально-исторической обусловленности знания вкупе с другим тезисом того же времени – о принципиальной несоизмеримости картин мира, включая картины мира на уровне повседневности, принятые в различных социальных практиках и различных этнокультурных общностях.

Ограниченность применимости последнего тезиса дает о себе знать при обсуждении глобально-региональной динамики развития университетов уже с начала, если рассматривать природу данного института с самых основ: прежде всего потому, что современный университет – это *par excellence* университет европейский, даже если согласиться с мыслью о том, что культурно-детерминированная идеологичность уходит в прошлое. Эпистемологическая сторона вопроса в данном случае по-прежнему детерминирована социально, точнее – социэкономически.

Имеющие место процессы повсеместно можно анализировать в оптике подчинения и подавления. Согласно мнению Д. Роджеро, в действительности тенденциях образовательной «транснационализации» правильнее говорить о том, что национальные государства не исчезают, а «угнетаются мобильностью капиталов и живого труда» [4, с. 95]. В отношении же более конкретных форм содержания образования (в данном случае идущим в ногу с содержанием знания в науке) можно утверждать существование своего рода «эпистмицида» [5] –

жесткого подавления вплоть до уничтожения оптик рациональности; основным актором этого процесса выступает знание «Севера» по отношению к знанию «Юга». Впрочем, процессы такого угнетения действительно распространяются повсеместно: не только «вширь», но и «вовнутрь», в результате чего локальные эпистемологии начинают подчиняться глобальным, и академическая колонизация – как безальтернативное навязывание доминирующего дискурса – может осуществляться в пределах одного географического региона [5], возможно, по масштабу меньшего, чем отдельная страна, – что вполне возможно в случае такой актуализации дискурсов лидирующих университетов.

*Взаимодействия глобальных и локальных факторов в условиях
российского образования*

Перед российским образованием нередко возникает вопрос о том, какому тренду из существующих в мире следует подчиниться, наравне с иным вопросом – стоит ли подчиняться вообще и рисковать собственным академическим суверенитетом. Действительно в ряде случаев можно определить большой перечень дисциплин, которые предполагают четко обозначенную специфику как по отношению к предмету, так и по отношению к аудитории (исследователей и тех, кто может использовать результаты исследований на практике), – это те дисциплины, содержание которых определяется государственно-географическими и историческими факторами. В подобных ситуациях действительно можно говорить о национальной специфике таких наук. Однако принципиально исключать возможность включения внешних исследователей нерационально ни в каком случае, если предметы изучения остаются неразработанным, а на региональном уровне не еще сложилось никакого дискурса – ни локального, ни внешнего, ни глобального [2].

В современном российском образовании проблемы дихотомии автономии/интернационализации весьма остры в силу особенностей географического, культурного, исторического характера; moreover, как и в силу длительного действия изоляционистских (политико-культурных, геосоциальных и т. п.) установок, которые не изжиты до сих пор. Следует отметить, что автономия и

интернационализация могут являть собой тренды, не обязательно противоположные на практике. Они могут действовать независимо в разных областях, дополнять друг друга, совместно плодотворно влияя на возможности развития. Более того, интернационализация может быть продуктивно реализована для раскрытия потенциала академической автономии [6].

Если рассматривать самую обобщенную картину, то неизбежным представляется движение систем высшего образования в направлении адаптации к мировым трендам, как более универсальным и показавшим себя достаточно действенными в сферах науки и производства. И, видимо, более эффективным – в частности, если говорить о трансформациях в общественных отношениях, особенно тех, что в настоящее время активно требуют глубокого переосмысления некогда устойчивых представлений о символических границах государств и жесткой определенности гражданства как территориально-географической детерминанте индивида.

Список литературы

1. Карелин В.М. Расставаясь с университетом культуры. Миссия университета и ТНК-идеология // Образование и право. – 2018. – №1. – С. 250–253.
2. Кузнецова Н.И. Социально-гуманитарная статья: эпистемологический и культурно-исторический ракурс. Ч. 1 / Н.И. Кузнецова, М.Б. Сапунов, Ж.Т. Гощенко [и др.] // Высшее образование в России. – 2017. – №7. – С. 46–68.
3. Ридингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. Корбута. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010. – 299 с.
4. Роджеро Д. Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета // Неприкосновенный запас. – 2011. – №3. – С. 88–102.
5. Barnett R., Bengtson S. Universities and Epistemology: From a Dissolution of Knowledge to the Emergence of a New Thinking // Education Sciences. – 2017. – No 7. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.3390/educsci7010038> (дата обращения: 06.08.2019).
6. Panibratov A., Ermolaeva L. Combining Internationalization and Autonomy: The Case of Russia // (Re)Discovering University Autonomy. The Global Market

Paradox of Stakeholder and Educational Values in Higher Education / Ed. by R.V. Turcan, J.E. Reilly and L. Bugaian. – NY: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 185–201.

7. Readings B. The University without Culture? // New Literary History. – 1995. – Vol. 26, No. 3. – P. 465–492.